

Все не так, не так, как он мыслил. При всем при том не разочарование одержало верх, а злость, злость до скрежета зубов от временного бессилия. Но стоило только подумать, что все же своими мозгами сделал расклад, он наполнялся уверенностью.

Вынув обойму, он заменил холостые патроны на боевые, засунул пистолет за пояс и отер пот с лица. Все проделал быстро и не суетливо. И замер.

Ночь, безмолвие, покой... Это теперь не для него, это будет потом, если останется жив, а пожить собрался еще лет эдак пятьдесят, можно больше, он не против. А сейчас минутная пауза нужна на вдох. Решение он принял твердое, но требовалась решимость на первый шаг, после которого его уже никто не остановит. Пауза — мизерная передышка после длительной гонки, гонка подошла к концу, теперь стоит вопрос: кто кого? А началась...

1

Лето — пора дохлая. В смысле работы не валит. Либо невезение преследует, скалясь за спиной, дескать, никуда не попрешь, пока я не захочу отступить. Либо судьба обленилась, лишний раз не шевельнет своим судьбоносным

пальчиком, чтобы облегчить житие подшефного. На данный момент житие состоит из слова «нет». Работы нет, денег нет, жены нет (ушла к другому), перспектив практически нет, настроения нет. Откуда ж ему взяться, настроению, при столь мощном заграждении из нет-нет-нет? Тоска...

Ко всем этим неприятностям Никиту Старцева настиг еще один удар — убили приятеля. Накануне поставили перед фактом: убит, завтра похороны в одиннадцать, на все вопросы — слезы жены Валерки. А ведь оба решили объединить осенью свои фирмы под одной крышей (не бандитской, разумеется), у Валерки — ЧОП, у Никиты — детективное агентство. И вдруг на тебе: всем планам хана!

Раньше, сталкиваясь с ритуалами, на ум не приходила злая мысль, мол, как же мало требуется времени, чтоб закопать человека. Катафалк, автобус, легковые машины, венки, оркестр, доизированные слезы (у многих) — все за какой-то час. Потом опять автобус, дорога... Никита и понять не успел, вникнуть в происходящее, осознать потерю, а уже пора выходить из кафе. Лису жалко, но он не подошел к ней, рванул за Капустиным на улицу, крикнув:

— Дмитрич, подождите!

Тот приостановился, слегка развернувшись, когда Никита подбежал к нему, продолжил путь к машине, спросив:

— Чего тебе?

— О Валерке хотел спросить, я только вчера вечером узнал... — шел за ним Никита. — 6 Дурацкая смерть. Версии есть?

— Ни одной убедительной.

— Значит, все же есть.

Эдуард Дмитриевич открыл дверцу, сел в авто, замер на минуту, поигрывая ключами, потом поднял маленькие, глубоко посаженные глаза:

— Зайди дня через три... а лучше через неделю, может, что-то прояснится.

Никита постоял немного, глядя вдаль, куда уехал Дмитрич, да на солнцепеке, к тому же подогретому изнутри, долго не выстоишь. Он по-торопился в тень, где прохлады не было, но все же хоть какое-то укрытие от палящего солнца. К его радости, подъехала маршрутка, иначе он рухнул бы на тротуар, как забулдыга.

Проспал до вечера, как говорят, без задних ног — абсурдное выражение, по мнению Никиты, как будто у человека есть еще и передние ноги. Проснувшись с тяжестью в теле и голове, он долго входил в реальность, вспомнил утро — захотелось выпить, забить спиртным состояние внутренней разрухи. Но Никита относится к тем редким людям, которые употребляют алкоголь лишь по поводу и категорично отвергают опохмелку. Он закинул руки за голову и лежал, изучая потолок, мысли крутились в основном пессимистичные или вообще отсутствовали до тех пор, пока не раздался звонок. Никита сначала не хотел ни с кем говорить, но, в конце концов, решил, что это может быть полезный звонок, протянул руку, нащупал трубку. Голос оказался мужской, незнакомый и ультимативный:

— Вы Никита Прохорович Старцев?

— Я.

— К вам обратится женщина, не оказывайте ей услуг.

— Что за женщина? Как ее имя?..

Его оставили без ответа, если не считать гудки, которые, собственно, и были ответом. Нормально, да? Еще никто не обратился, а уже предупреждение поступило: не сметь зарабатывать бабки! Лучше всего забыть этот звонок навсегда. Он попробовал переключиться на ящик со всем комфортом, то есть, лежа на диване, щелкал пультом, меняя каналы, а сам думал о звонке, в котором изначально заложена интрига.

Стало крайне любопытно, с чем должна обратиться женщина, почему звонил мужчина и выдвинул ультиматум? Первое, что пришло в голову: жена узнала о проделках мужа, хочет получить неопровергимые доказательства его неверности. Да, бывает такое, бывает. Да, приходится заниматься грязной работой, только чаще с подобной просьбой обращаются состоятельные мужчины (с седыми головами), имеющие молодых жен и, разумеется, не доверяющие им по понятным причинам. Обычно Никите не жаль ни одну сторону, оба знали, на что шли, пускай теперь пьют ядовитую чашу до конца. Итак, возможно, муж в курсе планов жены и хочет пресечь попытки вывести его на чистую воду. Это один из вариантов. Далее: женщина бизнес-леди, ее цель — найти на партнеров или

8 на конкурентов компромат. Не исключено

похищение ребенка, мужа, сестры, брата. А может, все проще, к примеру, ее домогается начальник или у нее незаконно отнимают жилплощадь, а милиция не чешется. У, сколько вариаций возникло на базе единственного загадочного звонка, значит, ворожить бессмысленно. Она придет, раз поступил предупредительный звонок, а он за деньги исполнит любой ее каприз.

Три дня Никита проторчал в офисе один как перст, его сотрудники (всего два) ввиду постоянных трудностей отправились на вольные хлеба. Впрочем, какой офис — две комнатушки в полуразрушенном особняке, за аренду которых скоро нужно платить, а для этого надо мани-мани где-то достать. Но дама за услугами так и не явилась. Странно, потому что звонок не был похож на розыгрыш. Утро четвертого дня Никита начал со стрельбищ, беспощадно убивая компьютерных агрессоров...

— Можно?

Он выглянул из-за монитора — на пороге стояла Лиса.

— Заходи, заходи... — вскочил Никита, поставил стул ближе к столу. — Садись, Лиса. Не ожидал, что ты придешь. Чай будешь? Кофе нет.

— Спасибо, не хочу. И так жарко.

Никита бухнулся на свое место, суетливо отодвинул монитор, чтобы не мешал, и не знал, о чем с ней говорить после всего-то.

Ее зовут Алиса, а Лисой прозвал Валерка, позже имя, не имеющее ничего общего

с кличкой, утвердили друзья-знакомые. Собственно, Валерка попал в точку, Лиса огненно-рыжая, с копной густых и непокорных волос. Она вся с ног до головы усыпана веснушками, не размытыми, а крошечными и задорными точками, с которыми долго боролась, да бросила, потому что муж от конопушек балдел. Когда Лиса улыбалась, ее глаза хитро щурились до щелочек, пряча цвет, а они у нее, как горчица (в смысле цвета). Не красавица, но в нее все поголовно влюблялись, ценили гостеприимство, наивность и веселость, всем нравилась ее вкрадчивая интонация, словно она не хотела никого обидеть даже тоном.

— Как ты? — не нашел ничего лучше спросить Никита.

— Как все в подобной ситуации.

Она никогда не жаловалась. Он понимал, насколько трудно ей сейчас, не знал, чем утешить, к тому же после своего дежурного вопроса стал сам себе противен, потому закурил, опустив голову.

— Никита...

— Да? — с готовностью произнес он. Раз Лиса пришла к нему, значит, ей что-то понадобилось, и он в лепешку ради нее...

— Мне страшно, Никита.

— Понимаю, — закивал он. — Это пройдет. Необходимо время...

— Я не о том... не о Валере... Мне все время страшно.

10 — Ты боишься оставаться дома одна?

— Нет.
— Что же тогда?
— Только не смейся, это серьезно... За мной следят.

Никита никак не выразил своего изумления. Учитывая теперешнее состояние Лисы после убийства мужа, может померещиться что угодно. А она прочла его мысли, разволновалась и раскраснелась, отчего веснушки стали ярче, при всем при том ее голос звучал в извиняющейся тональности:

— Нет-нет, у меня не мания преследования. Поверь, за мной следят. Не знаю, кто и почему, но это не романтически настроенный человек. — Алиса опустила пущистые рыженькие ресницы, кусала губы. — Наверное, ты думаешь, после смерти Валеры я тоже должна... хотеть умереть...

— Вот еще глупости, — вставил он.
— Да, да, должна. А я не хочу. Я плохая? — Она вскинула на него потерянные глаза. — Мало любила Валеру, раз не хочу?..

— Лиса, нормальный человек при любых испытаниях стремится жить, а если наоборот, то ему нужен психиатр.

— Спасибо, Никита.
— Но почему ты заговорила о смерти?
— Потому что... я ее слышу... ощущаю... будто автомобиль за мной ездит... а там смерть сидит. Поэтому мне страшно.
— Автомобиль? — насторожился Никита. — Ну-ка, подробней.

— Понимаешь, когда я выхожу из дома, то вижу черный автомобиль, в салоне никого не видно, это меня еще больше пугает. Я иду куда-то или еду и везде его вижу... По логике он не должен появиться там, где очутилась я. Сам подумай, откуда мог узнать водитель, что я буду именно в этом месте? Значит, он ехал за мной, правильно?

Она говорила о том, что понятно только ей и трудноуловимо для тех, кто не в теме. Никита прокрутил в уме ее сумбурные слова и, взвесив, пришел к выводу, что Лиса не способна раздуть из мухи слона, она бы не пришла к нему, будь у нее сомнения.

— Почему ты молчишь? — спросила она.

— Думаю. А когда ты заметила автомобиль?

— На следующий день после убийства Валеры... Я еще не знала, что... потому что его носью... Валера сказал, чтобы я не ждала его, у него было важное дело... э... с работой связано...

— Что за дело?

— Он же никогда не говорил мне, чем конкретно занимается. Охрана может понадобиться в любое время суток, я и не волновалась. Утром собралась на работу, вышла из подъезда и уви-дела черный автомобиль.

— И что, он тебе сразу показался страшным? С бухты-бахахты?

— Нет, конечно. Я заметила его потому, что он очень дорогой, в наш захудалый двор такие не заезжают. До двух я провела за-

нятия в кружке, затем пешком пошла в Центр развития дошкольят, это недалеко от Дома детского творчества. В четыре мне позвонили... В милиции тебя и Валеру знают, нашли мой номер сотового и сообщили... Из Центра я выскочила как ошалевшая, побежала ловить машину. Само собой, очутилась на проезжей части, останавливалась подряд все авто, а их там всегда мало. Я пошла прямо по дороге в сторону оживленной улицы, услышала звук мотора сзади, оглянулась — ко мне приближался черный автомобиль. Я подумала, что этот точно не остановится, сделала шаг к тротуару, а он несся прямо на меня, увеличивая скорость. Никита, я едва увернулась, даже не знаю, как это у меня получилось. Он чиркнул колесами по бордюру тротуара и свернул за угол.

Да, серьезные основания для страхов.

— Номер запомнила? — спросил он.

— Мне было не до номера, я спешила в морг... потом все эти хлопоты... И все время встречался черный автомобиль, но я была не одна... Знаешь, тогда не пришло в голову, что меня выслеживают. Все закончилось, я имею в виду с Валерой... А вчера вечером меня позвала подруга, я подумала: чего сидеть в четырех стенах? Вышла из дома, по привычке осмотрелась, а было уже темно... В уме отметила: стоит. Просто отметилось, и ничего больше. Ну, сердце беспокойно застучало... Подруга живет недалеко, минут десять идти... Никита, на меня снова наехали.

Какие основания не верить ей? Никаких. Но в чем причина? Кому мешает молоденькая женщина, которая учит детвору вязать, плести макраме и вышивать? Значит, причина в Валерке, то есть пытаются убрать предположительную свидетельницу, следовательно, думают, что Лиса в курсе его дел. А он куда влез? В основном его деятельность — установка сигнализаций, ну, случалось, заказывали охранять объект либо отдельных личностей, опасающихся пули из-за угла. За это не казнят.

— Как наехали? — очнулся от вычислений Никита.

— Прямо на тротуар, — сказала Алиса. — Я шла вдоль дома подруги, никого поблизости не было, свернула за угол, и тут... сзади рев... Я не оглянулась, меня будто кто-то толкнул вперед, я понеслась вдоль торца дома, к счастью, он короткий. Забежала во двор, а тот же автомобиль проехал в метре от меня. Остановился.

— Ты рассмотрела, кто был за рулем?

— Нет, стекла черные.

— Тонированные, — поправил он. — Ну, остановился. И никто не вышел из машины?

— Не знаю. Я что было сил побежала в подъезд, ночевала у подруги, потом она привезла меня к тебе. Никита, и в первый раз на меня наехал этот же автомобиль, поверь.

— Какая марка машины? — Алиса виновато пожала плечами. — Ясно... А по каким признакам ты определила, что это тот же

автомобиль, который был в твоем дворе, а не другой?

Алиса сдвинула брови и несколько секунд думала, наверное, вспоминала приметы, да так и не вспомнила:

— Не знаю, как объяснить... Я чувствую его. Едут машины, такие же черные и такой же формы, но у меня они не вызывают беспокойства, тем более страха. А когда появляется этот автомобиль, я неосознанно беспокоюсь, все во мне замирает, я перестаю подчиняться себе. Позже думаю: на номер надо было посмотреть... Никита, прости, не умею объяснить, но все, что я говорю, правда.

Он загасил сигарету, встал:

— Поехали.

— Куда?

— К тебе. Если ты не против, я осмотрю вещи Валерки, бумаги... Кстати, милиция рылась в квартире?

— Нет. Меня просили, если найду что-нибудь необъяснимое, принести им. — Алиса встала. — Никита, подожди...

Он уже был у двери, вернулся, так как она не двигалась:

— Что еще?

Алиса порылась в сумочке, вытащила небольшой запечатанный конверт и протянула ему:

— Это тебе. Он лежал в кухонном шкафу под бумажными салфетками, я нашла его только вчера. А сегодня заехала за ним... с подругой.

Надпись: «Нику». Ясно, что от Валерки. Никита вскрыл конверт, взяв за кон-